

Анастасия Лопухина

**«Хуже нашей говори нет» vs
«Говор чистой только у нас»:
изменение отношения носителей
диалекта к своей речи**

В современной диалектологии проблеме отношения носителей диалекта к своему языку почти не уделяется внимания. Последние наблюдения такого рода относятся к середине и второй половине XX в. [Касаткин 1999: 38–39]. Между тем политическая и экономическая обстановка поменялись, что в свою очередь повлияло на статус национальных языков и диалектов. В этой связи интересно было бы изучить отношение носителей к тому идиому, на котором они говорят.

Идиом, имеющий статус диалекта, обычно занимает более низкую позицию в социолингвистической иерархии, чем литературная форма языка. Представление о статусе того или иного диалекта складывается на основе оппозиции «свой диалект — литературный язык» и противопоставления своего диалекта другим, чаще всего соседним диалектам. Важно определить, есть ли динамика в каждой из этих оппозиций, и если есть, то в чем именно она состоит.

Работа строится на материале записей диалектологической экспедиции филологического факультета МГУ в куст деревень Тавреньга Коношского района Архангельской области, проходившей в июле 2012 г. Материалы, приводимые в статье, были записа-

**Анастасия Александровна
Лопухина**

Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Москва
nastya-merk@yandex.ru

ны от девяти информантов (трое мужчин и шесть женщин), все местные¹.

Обратимся прежде всего к оппозиции «свой диалект — другие диалекты». Известно, что, сравнивая свою речь с речью «соседей», носители диалекта чаще всего отмечают фонетические особенности других говоров. Чужая необычная речь вызывает насмешки, широко известны дразнилки, построенные на звуковых особенностях говоров. Самая яркая фонетическая диалектная черта — это смешение аффрикат², то есть цоканье или чоканье. Она нередко высмеивается в частушках: *Как барановски девчонки / Говорят на букву «це»: / «Дайте мыльце, полотенце / И цюлоцки на пеце!»* (Вологодская область); *Бежала овца мимо нашего крыльча, так брекнёча, так перевернёча, с тех пор и не егнича* (Вятская область); *Куриса на улисе яйсо снесла* (Кировская область; здесь высмеивается соканье, то есть неразличение [ц] и [с]). Кроме этого, могут обыгрываться яркие ассимилятивные явления, например ассимиляция согласного следующему носовому: *Менный ковш упал на нно, / А достать-то холонно, / И обинно, и досанно, / Ну да ланно, всё онно* (Вологодская и Костромская области) [Язык русской деревни 1994: 17].

Согласно нашим исследованиям, в говоре села Тавренъга и окрестных деревень свой диалект в сопоставлении с другими говорами выступает как *русской язык, всесторонний язык*. О носителях других диалектов и даже других языков говорят, что *они говорили не по-русски, по своему-то говорили* (о девушках из Курска); *у них выражение отлично вырисовывается; скажут другое слово — совсем ломаное* (о языках Кавказа).

Главным отличительным признаком, как было отмечено выше, являются фонетические особенности других идиомов. Коношский район Архангельской области граничит с Вологодской областью, в его звуковой системе много черт, свойственных вологодским говорам (например, мягкое цоканье, рефлексy *ё, переход [ʔа] в [e] и др.), однако местные жители не считают свой диалект похожим на вологодские или родственным им, поэтому, обращая внимание на те или иные произносительные особенности, интерпретируют их как вологодские. Например:

¹ Пол, возраст и образование информантов: **СА** — муж., 1937 г.р., техникум; **ЛМ** — муж., 1949 г.р., техникум; **Н*** — муж., 1953 г.р., техникум; **АЛ** — жен., 1929 г.р., 4 класса; **ЗК** — жен., 1932 г.р., 4 класса; **НУ** — жен., 1927 г.р., 4 класса; **ЮС** — жен., 1945 г.р., 7 классов; **ЕУ** — жен., 1925 г.р., 4 класса; **НП** — жен., 1936 г.р., 4 класса. Далее в тексте ссылка на информанта приводится перед началом цитаты в скобках.

² Эту черту осознавали как ненормативную и сами носители диалектов, ср., например, традицию деловой письменности XVII в., в которой монастырские писцы, носители цокающих говоров, научались различать аффрикаты, чтобы писать правильно [Копосов 1967: 192–193].

(СА) Вот возьми Вологодску, там обычно говорят на «о». А у нас — нет. Например, «молодёш», «колобок». Большинство акцент на «о». У каждой области есть свой язык. Вот в телевизоре иной раз «Играй гармонь» играет, его нацънут спрашивать, вологодского-то гармониста, а он: «Вот я пошол, погулял». У них выражение уже отлично вырисовывается. А у нас — нет. Здесь не так. У нас язык всесторонний.

Примечательно, что информант — носитель окающего говора — не осознает своей диалектной особенности, однако замечает таковую у носителей других окающих говоров. Внимание может также заостряться на произношении согласных: (АЛ) Я как первый рас увидела, ну она на Красиво приехали з Зелено. Идём, а она и стала рассказывать, це-то, сметану трясти. Разговору-то сецяс я и не запомнила, ну она: «А щчо нонешны боршчы. Боршчы. Наварила боршч, большо добр боршч-от. А боршч хоть какой вари, а не положь сметанки — дак и хлебать не будешь. Вот со сметанкой-то боршч!» Дак наши-ти все убежали, а мы с Тинкой и с Лаврушкой идём за йими. А приотстали. Я говорю: «Тин, а больно жонка интересно говорит». А она говорит: «Ой, я тоже первый рас учуяла». Ошто и спрашивает, чья она есь-от. А она с Вологодской области.

Интересно, что суперсегментные особенности служат для опознавания чужих / своих, то есть позволяют нашим информантам понимать, что собеседник не является носителем того же говора в узком смысле, что и они сами, притом что в широком смысле и информант, и его собеседник — носители одного идиома. Ср.: (АЛ) Вот ф Хмельниках, я тоже ходила ф Хмельники к дяде на праздник. Дак там говорят быстро, а на конце тянут. Придут тоже бабушки в гости: «Михайло Васильевиць, мы опять к вааам. Михайло Васильевиць, вы к нам никогда не прийде-теее»; (ЕУ) А в Слободе, я вот добро запомнила, как одна другую бранила: «Хоть ты трое проклятааа шкапотинаааа». Это вот ругающа.

Опрошенные нами информанты также отмечали лексические отличия в речи своих собеседников, однако отношение к таким особенностям более терпимое, чем к фонетическим. Обычно разговоры о лексических различиях заходили, когда речь шла о говорах расположенных рядом деревень. Например: (ЗК) Не в одной деревне, в нашей зовут так, в другой — другомя. Всё у кажново своё, кто как назовёт. Корзина зовут «корзиной», а у другой дак «кузов», когда где. Называют одну вещь, дак не однако назовут. Дак понимают. (А могут сказать: «Дай мне кузов», — а ему подают корзину. Могло такое быть?) Это бывает, как из разных деревён люди. Кузов этот зовут «бураком», где «бурак», где «кошёлка» — где как назовут.

Естественно, при контакте носителей двух разных диалектов могли возникнуть курьезные случаи, связанные с непониманием из-за лексических особенностей: (АЛ) *Вот в лесу работали от колхоза. Возили мы на лошадях. А курские девушки были. Ну оне... их послали сваливать с возов. У Анюшки у Антоновны придавило палец, они поднимают бревно-то, а у ее рукавица бревно к бревну, придавило. Она кричит сколько есь силы: «Поманите! Поманите!» Вот цё поманите? (Подождите, наверное?) Подождите, да. А оне поворачиваюце назад: «Да кого поманить-то?» И палец-от у ей сильно придавило, он распух-от у ей в этом месте. И скандал был большой. Не поняли одна другую.*

Итак, сравнивая свой диалект с другими, информанты отмечают прежде всего фонетические особенности речи собеседника, именно они служат идентификатором «чужого» говора. При этом «свой» диалект имеет более высокий статус по сравнению с «чужим», неправильным и смешным. Что касается лексических различий, то они фиксируются, но не маркируют «чужой» говор. Получается, что в оппозиции «свой диалект — другие диалекты» положение «своего» диалекта с середины XX в. не изменилось.

Вторая оппозиция, в которую входит «свой диалект», — это оппозиция «диалект — литературный язык». Как отмечают многие диалектологи, литературный язык оценивается информантами как хороший и правильный, а свой — как *темный, старый, некрасивый*. При сборе материала исследователи часто слышат: «Мы серые, серо говорим» (наблюдение Л.Э. Калнынь); «Ой, дак я неграмотна! Говорь-то у меня вишь какая, а по-культурному-то [то есть на литературном языке] я и не знаю, как сказать» [Николаева 2004: 23]. Такое отношение к своему языку зафиксировано и в диалектологических записях начала XX в. В. Мансикка, описывавший диалект Шенкурского уезда Архангельской губернии, отметил, что «сам народ отзывается о своем языке самым отчаянным образом. Везде уверяют наблюдателя, что “хуже нашей говори нет” или “наша нарицья сама последня”» [Мансикка 1912: 88–89]. Он также отмечал у местных жителей противопоставление «деревенского, низкого наречия» и «чистого, высокого языка литературы и образованных людей» [Там же: 89].

Такое отношение носителей диалекта к своему языку считается следствием языковой политики, проводившейся с конца 1920-х гг. и направленной на снижение статуса диалекта и повышение статуса литературного языка. Диалекты были объявлены пережитком прошлого, прогнозировалось их скорое отмирание, см.: [Касаткин 1999: 34–37]. Диалектизмы стали считаться ошибками, и им была объявлена война, что стало од-

ной из задач школьного образования. См. характерные утверждения в работах того периода: «Одним из важнейших лозунгов пролетариата является лозунг “национальный язык — всем трудящимся” <...> Процесс преодоления крестьянского разноязычия <...> регулируется сознательной пролетарской языковой политикой, проводником этой политики на селе являются главным образом школа и печать» [Иванов, Якубинский 1932: 142]; «Язык колхозника очищается от накипи веков, тормозящей его дальнейшее развитие, приобщение к пролетарской культуре, расширяется горизонт сознания колхозных масс, которое освобождается от местной ограниченности»; и далее: «Как территориальные, так и социальные диалекты в нашей великой социалистической стране за последние годы находятся в стадии ясно выраженного отмирания» [Филин 1936: 179, 185].

Все информанты деревни Тавреньга, записи которых приводятся в данной работе, испытали на себе эти языковые установки. Оппозиция «диалект — литературный язык» выражается в следующих парах антонимов: «говорить старо — современно» (ЕУ: *Вот я не знаю нонь современно — цяшка какая, а старо — дак вот блюдо, желто блюдо на столе*); «говорить некультурно — культурно» (АЛ: *Одна доць у неё торгует тараками, а другая в магазине. Тараки-ти знаешь какие? [показывает на одежду] Мы тараками всё звали, не дошли еще до цивилизации, культурно-то говорить. А своё слово!; В Хмельниках говорят быстро, а на конце тянут. Но сейцяс тоже они уже более культурны стали*); «говорить по-деревенски — по-городскому» (НУ: *У нас по-деревенски называют всё: у нас отца татой звали, а горницу — шомушей*).

Все информанты отмечают значимость лексических различий литературного языка и диалекта, эти различия часто маркируют этап перехода от диалекта к литературному языку. Например: (А у вас не «зола» разве говорят?) (ЮС) *У нас пепел. У нас раньше золы не было, у нас был пепел. А сейчас всё зола. Нас переуцили*; (А как вы назовете то, чем суп наливают?) (НУ) *Поварёнка. Да... половник. Нонь выходит это слово у нас, мало половником [называют]*. Информанты с удовольствием вспоминают истории, в которых носитель диалекта, плохо освоивший литературную норму, попадает в забавные ситуации: (ЗК) *Бывало в Коноше стоит одна да продает: «Берите клюкву, берите клюкву». А мужик-от чует, что клюкву, а ведь раньше-то не клюквой звали: «Ой, да шо это “клюкву берите”, пойду посмотрю, шо за клюква-та?» Пришел да поглядел: «О-о-о, matka, мила, как наша жаравлика». Раньше жаравликой звали, не клюквой. Нонеця всё уж клюквой. Или: (АЛ) *А вот это не сколь давно*.*

Катя Вострокнутова работала, а Пихтина Надя прибегает, а уж разошлись, заспу-то разобрали. Вот она и говорит: «Ой, [Катя], корминеця, я пришла-то по заспищу. Свешай-ко мне заспы». — «Какие заспы-то?» — «А какую сегодня продавали, заспы». — «Надя, сейчас заспы нет. Крупы дам, а заспы больше нет». — «Ой, нет, ну я дак и стоять не буду, надо мне на двор идти». И побежала. А Катя-то ей не окрицяла. А назавтре Наде-то и сказали, что купили заспы. И она: «Ой, ли-ко беззаконна, а мне сказала, что заспы нет!» Приходит Надя-то, а Катя ей и говорит: «Надя, сейцяс заспы не бывает, сейцяс крупа. Когда придёшь, дак спрашивай крупу, а не заспу».

Основная часть записанных примеров — различия в лексике, однако информанты могут также обращать внимание на лексико-синтаксические особенности своего диалекта по сравнению с литературной формой языка: (АЛ) *Дак ведь раньше было. Придем да посидим: «Девки, пойдёмте на магазин». Не «в магазин», а «пойдёмте на магазин». А потом нас стали уже дразнить: «Как пойдете на магазин-от? На магазин дак надо наверх лезть». И вот постепенно-постепенно у нас это стало отходить. Нонь уж идём, дак только в магазин. (Кто дразнил-то так?) А ведь у нас были уцителя, агрономы были, ветелинары. Они уцёные, хоть и из наших деревён, а уже считались интеллигенция. Из этого примера хорошо видно, что борьбу с диалектизмами часто вели более образованные жители тех же деревень.*

В приведенных примерах при актуализации противопоставления «диалект — литературный язык» диалект получает более низкий статус по сравнению с нормативным языком. Это соотносится с языковой политикой начала и середины XX в. и, казалось бы, свидетельствует о неизменности соотношения двух идиомов. Однако в других записях из Тавренги в ситуации, когда информанты говорят про свой язык и его противопоставление литературной норме присутствует, но специально не актуализируется, диалект описывается положительно или нейтрально. Например: (АЛ) *А с нами ведь добро говорить. Двоюродна была дней десять, а тетрадь 12 листов всю записала цють не в кажну клетоцьку. Изуцяла наш язык русской. Я скажу — как она не поняла, она записывает и тут же переводит по-нашему. Я ей переводила; [Объясняет по моей просьбе слово челедёшки — «дети»] Много у нас этих словцецек. Интересных; (ЛМ) У нас много-много было слов разных, интересных; (НУ) У нас мноогого можно науциця, можно хороша книга написать [о диалектизмах]; (Н*) Говор чистой только у нас. У нас порусски говорят; (НП) У нас разговор-от такой: другой раз скажем, может, тоже и не поймёшь, чего и к чему. Вот такой у нас разговор.*

Получается, что, осознавая отличие своего диалекта от литературного языка, носители диалекта не оценивают свою речь негативно, а, наоборот, отмечают ее необычность и значимость. Такое положение дел контрастирует с описанным выше традиционным представлением о статусе своего языка в сопоставлении с литературной нормой.

Вероятно, нейтральное или положительное отношение к своему языку, отмеченное в записях 2012 г., вписывается в более широкий контекст внимательного отношения жителей Архангельской области к своему языку. Во-первых, экспедиционный опыт автора статьи показывает, что во многих деревнях разных районов Архангельской области энтузиасты или живущие в городе родственники составляют словарики деревенских, народных слов, стремясь зафиксировать и сохранить самые необычные лексемы. Во-вторых, существуют форумы, на которых обсуждаются особенности «поморского языка», или «поморской говори», как правило, фонетика и лексика. Кроме того, с 2000-х гг. стали появляться словари и учебники, в которых затрагивается вопрос об особом поморском говоре или даже «поморском языке». Это, например, «Словарь поморских речений» К.П. Гемп (около 2000 словарных статей, организованных по тематическому принципу) [Гемп 2004], «Поморська говора: Краткий словарь поморского языка» И.И. Мосеева (в предисловии рассказывается об особенностях поморского языка и утверждается, что «поморский язык» — это наддиалектная форма языка на территории исторического Поморья) [Мосеев 2005], школьное пособие по этнокультурному краеведению «Город, хранимый Архангелом» Т.В. Зайцевой [Зайцева 2011].

Можно предположить, что эта новая социолингвистическая ситуация связана с популяризацией идеи о существовании субэтноса «поморы», одно из следствий которой — усиление внимания к языку. Эту идею, а также представление об особом поморском языке поддерживал, в частности, бывший губернатор Архангельской области Анатолий Антонович Ефремов (губернаторский срок — с 1996 по 2004 г.). Вот диалог, подтверждающий, что жителям Тавреньги известна «поморская идея»: (АЛ) *Нас переуцили. Вот мы сейцяс ни туда ни сюда, ни вашим ни нашим. Мы-то сейцяс кем стали? Я не знаю;* (ЛМ) *Помнишь, поморьем мы хотели... хвастались, что запишут национальность «поморье»?*

Итак, экспедиционные материалы 2012 г. показывают, что отношение жителей деревни Тавреньга к своему языку в первой оппозиции «свой диалект — другие диалекты» не отличается от того, что было отмечено для русских диалектов вообще, то есть

свой диалект выступает как правильный, а другие — как неправильные и смешные. А отношение информантов к своему диалекту во второй оппозиции «диалект — литературный язык» не вписывается в принятые в диалектологии представления: свой диалект перестает восприниматься как неправильный, как таковой, с которым нужно бороться. Получается, что динамика присутствует только во втором из рассмотренных противопоставлений. Возможно, такое положение дел связано с изменением идеологии и, как следствие, статуса литературного языка. Кроме того, изменилась также идея нормы, см., например: [Шмелев 2012]. Статус диалекта в оппозиции «свой диалект — другие диалекты» не подвергся изменениям, вероятно, потому, что и статус, и само противопоставление оказываются своего рода константой, не зависящей от языковой политики и идеологии.

Интересно было бы исследовать, насколько такое новое отношение к своему языку типично для носителей диалектов в Архангельской области вообще (выводы данной статьи строятся в основном на материалах одной экспедиции), а также определить, является ли такое положение дел специфичным для Архангельской области (в этом случае оно, вероятно, действительно связано с дискуссией вокруг «поморской идеи») или же эта новая ситуация касается многих русских диалектов.

Список сокращений

Сборник ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук

Библиография

- Гемп К.П.* Сказ о Беломорье: Словарь поморских речений. М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004.
- [*Зайцева*] Город, хранимый Архангелом: Прилож. к образ. прогр. по этнокульт. краеведению / Сост. Т.В. Зайцева. Архангельск: Правда Севера, 2011.
- Иванов А.М., Якубинский Л.П.* Очерки по языку: Для раб. литературы и самообраз. Л.: Огиз; Гос. изд. худ. лит-ры, 1932.
- Касаткин Л.Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999.
- Копосов Л.Ф.* Фонетика вологодских говоров XVI–XVII веков // Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та. 1967. Т. 204. Вып. 14. С. 184–195.
- Мансикка В.* О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии // Академия наук. Известия ОРЯС. 1912. Т. 17. Кн. 2. С. 86–144.
- Мосеев И.И.* Поморська говора: Краткий словарь поморского языка. Архангельск: Белые альвы, 2005.

- Николаева О.Н.* Где кони растут на ножках? // Наука и жизнь. 2004. № 3. С. 20–25.
- Филин Ф.П.* Исследование о лексике русских говоров: По мат-лам сельско-хоз. терминологии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936.
- Шмелев А.Д.* Корпус или эксперимент? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегод. Междунар. конф. «Диалог 2012». М.: РГГУ, 2012. Вып. 11 (18). С. 587–597.
- [Язык русской деревни] *Букринская И.А., Голубева Н.Л., Кармакова О.Е., Николаев С.Л., Саркисян С.Г.* Язык русской деревни: Школьный общеобразовательный атлас: Пособ. для общеобр. учрежд. М.: Аспект Пресс, 1994.